

Грамматические неологизмы в современной русской поэзии

Н.А. Фатеева
МОСКВА

Особенностью современной поэзии является выраженное стремление к динамизации формы текста: поэты пытаются различными способами преодолеть единообразие и статичность визуальной, звуковой и ритмико-синтаксической формы стихового ряда и этим достичь его семантической и стилистической многомерности. В то же время они пытаются использовать все потенциальные ресурсы грамматики языка и ее подвижные точки.

Логично возникает вопрос о том, насколько порождаемый такими опытами по «сдвигу» формы смысл способен быть адекватно воспринят читателями. Как известно, разрешение когнитивного диссонанса происходит за счет преодоления подсознательного импульса воспринимающего отказаться от новой информации и сознательного решения совместить ее со старыми знаниями. Похожим образом вырабатывается привычка к восприятию новых эстетических объектов. А поскольку чтение художественного текста – одно из самых сложных семиотических взаимодействий, то преодоление когнитивного и эстетического диссонанса становится возможным только при активной установке читателя на понимание путем поиска путей разрешения непонимания. И тут необходимо особо вспомнить работу Ю.И. Левина «О типологии непонимания текста» [1981], в которой ученый показал, что существуют различные уровни непонимания и недопонимания художественного текста, и как раз при определении того, в чем заключено «непонимание», и выявляется специфика «поэтического смысла», возникающего при наложении как внутритекстовых, так и интертекстовых характеристик.

В своей книге «Открытая структура: О поэтическом языке и тексте рубежа XX-XXI веков» [2006] я уже писала о том, что самой подвижной составляющей современного поэтического текста является его форма записи, отличающаяся от традиционной как в оформлении отдельных языковых единиц, так и целостной структуры текста. Эта бессознательная тенденция, однако, имеет вполне разумное объяснение: поэзия оказывается той сферой языка, в

которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно, чем в других сферах. Как ни парадоксально, но при изучении активных процессов в поэтическом языке рубежа XX-XXI веков, обнаруживаются именно те зоны языковой подвижности, которые Вяч. Вс. Иванов в своей книге «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему» [Иванов 2004] отмечает как проблемные явления, не получившие в лингвистической науке единого окончательного толкования. Среди них он особо выделяет (1) проблему дискретности и линейной реализации языковых единиц, (2) вопрос о сокращении морфем при аббревиации и инкорпорации, (3) проблему соотношения между единицами разных уровней, а также возможность использования целых предикативных образований и словосочетаний в функции одного слова, (4) взаимосвязь грамматикализации и лексикализации, грамматических и лексических значений.

Возможность проявления данных зон «нестабильности» и переходности именно в стихотворном тексте связана с его изначально заданной неоднородной записью в виде отдельных строк, которая формирует вертикальный контекст. Причем значимо то, что членение на строки не обусловлено строго синтаксическим делением, и это вносит элемент дополнительной дискретности в текст: строки становятся автономными образованиями, структура которых заранее непредсказуема. Установка стихотворного текста на ритмико-слоговое деление и особую звуковую организацию позволяет не только породить «дискретность» по вертикали, но и обеспечивает внутри рядов возможность дополнительного членения слова, также строго не обусловленного морфологическим и словообразовательным делением.

В данной статье я проанализирую три явления, связанные с грамматикой языка:

- 1) сокращение слов и морфем и обратная тенденция использования целых предикативных образований и словосочетаний в функции слова;
- 2) частеречная транспозиция;
- 3) подвижность субъектно-объектных отношений (заявление, возвратность).

Первая проблема напрямую связана с вопросом о дискретности языковых единиц и форме их записи в современном поэтическом тексте. Безусловно, традиционная дискретность языковых единиц при линейной записи позволяет почти сразу определить их значение за счет формальных и содержательных характеристик памяти слова. На этом нейтральном фоне слитное или дефисное написание целых формообразований при возможной пересегментации языковых единиц всегда выступает как некий иконический знак, в котором сама недискретная или дефисная форма записи выполняет роль означающего. Интересно, что многие поэты прибегают к подобной форме записи описывая движение снега или сам снег. Так, к слитной построчной записи текста прибегает Глеб Цвель, и в его стихотворении о снежной и душевной круговерти она приобретает особую функцию: в стихе воссоздается круговое движение снежных масс, подобное «плетению нитей», или, согласно этимологии, – плетению «текста»¹ из ткани звуков. Параллельно в данном тексте акцентируется и ас-

¹ Слово *текст* происходит от лат. *textum* – 'связь, соединение, ткань'; ср. рус. *текстиль*.

сонансная композиция звучания, напоминающая «фоническую музыку»
А. Туфанова:

снеговолоакивалокно
а а а
и человекдалёкотзвука
распятаялишьвыласкука
роняласнегнаднясукно
а

Но подобный же эффект создается и тогда, когда речь идет только о созерцании снега, например, у Елены Сазиной:

когдагляжумолчавокно
явижу
светаснег

Показателен и фрагмент из стихотворения Аркадия Драгомощенко «К примеру», в котором отражается уже более глубокая философская концепция данного приема – а именно, «пространственного становления времени»:

Но к чему это я? К примеру. И по другой причине: с тем, чтоб
понять
меру скорости и пространства, разделяющих то, что изначально
преступало законы падения,
сокрытогоисключеноизнасколькоядалекооттогочтопослезавтра¹,
И неизбежно сокровится полем зрения

Подобные тексты трудно воспроизвести вслух, поскольку, с одной стороны, неизвестно, как правильно читать написанные слитно образования, а с другой, – эти «слитые» последовательности в какой-то мере сами воспроизводят устную речь, которая, по словам ученых, представляет собой «причудливое сочетание неразборчивых звуков, плохо произнесенных слогов, пауз, стяжений. И, что хуже всего, нет никакой видимой связи между разрывами в произносимых звуках и границами между отдельными словами» [Линдсей, Норман 1974, 140].

При этом нарочитая непрерывность в пределах строки может сопровождаться дополнительной дискретностью языковых элементов, и ранее связанные между собой элементы получают автономию в вертикальной и горизонтальной структуре стиха. Именно контрастным проведением соединения-разъединения и нового соединения легче всего задать визуально-звуковой диапазон текста, сдвигая реальную языковую перспективу и как бы анимируя

---

¹ Шрифтовые выделения и подчеркивания в текстах мои – НФ.

ее. Так, поэма «Буквы моря» Наталии Азаровой превращается в поэму-орнамент, в которой сами буквы становятся подвижными и отражают движение и гул морских волн. Ср.:

движеньевые
б-у-к-в-ы-в-новолунье

во - да - жи - ва -я
и -двн - же - ни - е

на перегонки

В подобных текстах нейтрализуется граница между (звуко)букво-, слоги- и словоделением, и, как следствие, ослабляется контраст по интенсивности и длительности между ударными и безударными слогами, а главное, происходит новое осмысление и синтагматическое соединение ставших автономными частей слова. Как пишет А.Б. Пеньковский [2004, 439] в статье «Слоговая сегментация речи в функционально-семантическом аспекте», слогоделение концентрирует внимание адресата речи на звуковой материальной ее стороне, что связано «с важнейшим интегральным признаком сегментированных на слоги отрезков звуковой цепи – их абсолютной выделенностью из целого». В то же время слогоделение, «расчлняя целое на части и тем самым укрупняя их, выдвигает звуковую материю в фокус сознания лишь как опору, с помощью которой оно пробивается к экспрессивному или смысловому содержанию слова» [Там же, 438].

Надо отметить, что установка на первенство звуковой материи в стихе заставляет поэтов как раз искать способы записи, наиболее адекватные звучащей речи. Именно поэтому в некоторых стихотворениях Г. Айги мы можем встретить дефисные построения, напоминающие заумные опыты А. Крученых. Так, в стихотворении «Песня звуков» (1983), посвященном только что родившейся дочери Веронике (из цикла «Тетрадь Вероники»), поэт строит свой текст как бы в подражание младенческому озвучиванию мира:

о (Солнце Некое)
в а-Небе (тоже Неком)
е-и-у-ы-Другим (Мирам)
и а-э-у-Другие
деревьям-ю букашкам-е а-детям

В результате стихотворение воспроизводит мир таким, каким его слышит и видит только что пришедший в него человек.

В любом случае в сам акт членения вкладывается дополнительный смысл, организующий всю последовательность. **По-новому заданная дискретность обнажает особую значимость отдельных морфов и более мелких конститuentов слова в современной поэзии, что приводит к изменению их значения и функций.** Это, в свою очередь, открывает широкие возможности для создания грамматических неологизмов или языковых форм, в

которых грамматические форманты не дифференцированы или, наоборот, актуализированы до приобретения ими самостоятельного лексического значения. Бывают и обратные случаи, когда полнозначные элементы грамматикализуются, проделывая как бы обратный историческому путь формообразования. Так, в тексте Елизаветы Мнацакановой «Великое Тихое море», посвященном памяти Анны N, акт членения слова «друг/ая» на границе строки соотносим с построением отношения «Я-Другая», связанного с адресацией к умершей подруге, от которой автор с трудом может отделить себя:

зови ее вещью, зови ее тенью: она теперь – вещью? друг
 ая ? я ? мертва ? мертва я, она же – другая...

зови ее вещью ; зови ее – вечно ; другая она, друг
 ая а я ? я мертва я я я мертва я мертва я мертва,

она же другая, зови ее вещью, зови ее вечно : друг
 ая она, я же мертва, мертва я, мертва

Именно поэтому в тексте возникает так много вопросительных знаков, визуально дублирующих Я, которые располагаются посередине между соседними словами, благодаря чему местоимение «я» сначала дробится, а потом трогается и в конце концов становится частью полного окончания прилагательного *мертв-ая*, внося в него таким образом признак «постоянности», который не присущ краткой форме *мертва*; этот же формант «ая» трижды отделяется от слова «друг», разъединя с ним «я» в вечности. Причем постепенно на границе рядов *друг/ая я* превращается в *друг/ая она*, то есть происходит постепенное отчуждение.

Понятно, что все наблюдаемые явления имеют не только метаязыковой, но и интертекстуальный характер: поэты фактически переосмысливают и акцентируют сами явления границы стиховых рядов, линейного и вертикального контекста, возможность стихового альтернативного ритмического членения. Причем, само осознание этих возможностей становится не только интратекстуальным, но и интертекстуальным – т.е. приобретает постепенно статус приема.

Необычный эффект возникает и в тексте Д. Авалиани, в котором, благодаря внутрисловному переносу и дефисному написанию уравниваются в правах имена собственные и имена нарицательные, и из них одинаково вычленяются две «квазиморфемы»: первая – *вей*, омонимичная русской форме императива от глагола *веять*, вторая – *мара* ‘туман; наваждение, греза’. Ср.:

Что за лодка в траве-мураве
 может быть это Лотта из Вей-
 мара - вей - муравей не робей
 на корму забирайся скорей

Таким образом, в звуковой структуре строфы соединяются *трав-мурава* и *Лотта из Вей-мара-вей-муравей*, т.е. образуется синтезированный интертекст

стуальный и межъязыковой образ, развертывающий свои обратные связи к роману Т. Манна «Лотта в Веймаре» (посвященном любви Гете) и русском фольклору (ср. также название книги Ф. Абрамова «Трава-мурава»).

Итак, особая дискретность стихотворного текста по вертикали и горизонтали создает его особую «открытость» для восприятия и толкования. Однако если стих написан в силлабо-тонической системе, то отдельные его части становятся настолько предсказуемыми, что могут даже совсем (или на время) опускаться и легко восстанавливаться из контекста. Подобная техника может использоваться автором как чисто «шуточная», ориентированная на то, что прием «ребуса» или «отгадки слова» задан установкой на языковую игру с читателем. Но в то же время та же техника способна выводить читателя и на глубинные философские обобщения, рожденные особым расположением языковых элементов. Часто к поэтике полуслова¹ прибегал Г. Сапгир. Его так называемые «пустотные» стихи могут достигать и высокой мелодики:

была земля - осталась ля
и ту - в трубу...
зачем себя же представля
когда меня не бу ?

щая тоска берет за грудь
я сам за гло себя беру:
зачем стоит земля и не
когда меня на свете не ?

такое здесь противоре
не развязать и не разре
я - смы Творца - сам бог и ца
себя же отрица

В этом стихотворении поэт стремится постичь смысл бытия, и сочетание «не бу» одинаково вводит и идею мыслимого конца (*меня не будет*), пока что лишенную даже лингвистического окончания, и идею «неба»; при этом во втором четверостишии обе возможности уподобляются друг другу по форме:

*зачем стоит земля и не
когда меня на свете не ?*

Мы видим, что **основным приемом создания поэтического смысла у Сапгира выступает языковая компрессия, которая создает открытость интерпретации** (в последнем четверостишии неоднозначны, например, дораивания *не разре (-шить/-зать)*; *смы (-сл/-л) Бога* и др.) на основе дополнительной дискретности. В целом, за счет минус-приемов Сапгиром достигается потенциальная открытость формы стиха: эксплицитный текст минимизируется, в нем снимаются проявленные грамматические связи.

¹ Термин Л.В. Зубовой. См.: [Зубова 2006а].

Интересно, что в стихотворении «Памяти Генриха Сапгира» С. Бирюков воспроизводит данную технику Сапгира, но уже совсем в другой поэтической функции. Усеченные формы у Бирюкова запечатлевают сам момент обрыва жизни великого поэта, стихи которого уже открыты для вечности: ср.

в железной коробке
троллейбуса
умирает поэт
Генрих Сапгир
троллейбус продолжает
движение как будто
поэт спит
в неизвестном направлении
движ
движ
тролл
вместе с бездыханным телом
поэта
душа еще теплая
она еще диктует
последние строки
но уже никто не слышит
даже тело поэта
его рука
не слыш

Здесь важно то, что сокращенные формы повторяют уже существующие в тексте (*продолжает движение, троллейбус, не слышит*), но они запечатлевают в вертикальном ряду уже те «последние строки», которые диктует, улетающая, душа поэта, – поэтому они оказываются вне показателей грамматического времени и предметной оформленности (*движ / движ / тролл <...> не слыш*).

Надо отметить, что ориентация на поэтику полуслова часто сочетается с другими, более традиционными способами словообразования, основанными на семантическом стяжении и компрессии формы. К приему усечения слов, особенно на границе строки, часто прибегают и поэты, отличающиеся достаточной сдержанностью в экспериментах с поэтической формой, например, В. Кривулин. Усеченные формы слова в его текстах могут даже выноситься в заглавие стихотворения:

ЧУДНОЕ МГНОВЕ

зачем ты чудное МГНОВЕ
в моей засело голове
обломком части неприличной
от некой статуи античной?

Здесь «оборванность» слова *мгнове* создает ущербность пушкинской цитаты – она как бы манифестирует тот «обломок части неприличной», который остался от классического искусства. Однако задача нового искусства – найти пути восстановления гармонии текста за счет домысливания целого, о чем говорит сам Кривулин в конце стихотворения:

Гармония ведь божество
на проводе, на связи с нами
чтобы не видели но знали:
там нечто есть, где нету ничего

Подобный же эффект сокращения и переразложения морфов, наложения и компрессии, порождающий вариативные способы чтения, может создаваться и при помощи знаков препинания – черточки (она выполняет в поэтическом тексте функцию, среднюю между дефисом и тире, – это и внутрисловный и межсловный знак), скобок, иногда даже только благодаря запятым и пробелам. Так, в тексте Л. Ходынской образование дополнительной дискретности языковых единиц за счет стихового деления ведет к их новой семантизации и превращению их в неографизмы¹. Ср.:

А-СКОРБИ-
НОВАЯ МОЛИТВА!

Здесь при переразложении прилагательного *аскорбиновая* (обычно присоединяемого к слову *кислота*) появляется новая совокупность смыслов *a+скорби+новая*, которая является атрибутом к слову «молитва». В однострочном же стихотворении А. Альчук

спасиБо(г)де Ты(?)

особой расстановкой больших букв, знаков препинания и пробелов задается идея поиска «Бога».

Итак, мы наблюдаем, что поэтическая компрессия может создаваться не только за счет сокращения элементов, но и вписыванием одного слова в другое

---

¹ Обычно неографизмами (графонами) называют лексические единицы, имеющие особую орфографическую форму записи. С точки зрения поэтической функции языка – это фигуры речи, содержащие стилистически значимые отклонения от графического стандарта и/или орфографической нормы, которые имеют определенное художественное задание в рамках данного текста или целого цикла текстов. Неконвенциональная форма записи может возникать как на основе намеренного нарушения орфографической нормы, так и порождаться за счет нетрадиционной транслитерации заимствованных слов или включения в графический облик слова элементов иных знаковых систем (см. [Матвеенков 2005]).

или вычленением одного слова из другого. Тут на помощь поэту приходят шрифтовые выделения, знаки препинания, при этом усиливается внимание к звукобуквенному составу слова. Обратимся к стихам из недавно вышедшей книги А. Альчук, так и озаглавленной «НЕ БУ» (это заглавие как бы дублирует ранее разбиравшуюся пустотную форму Г. Сапгира), а именно к стихотворению «**на уличную рекламу**», которая показывает, что принципы создания современных поэтических и рекламных текстов очень схожи – они заставляют нас по-новому прочесть знакомые языковые формы и благодаря такой неологической форме записи вычленив в них новую внутреннюю форму. При этом мы имеем дело с т.н. словообразовательной энантиосемичностью, когда целое слово и выражение имеет смысл, обратный своим частям.

В частности, в стихотворении

на уличную рекламу
 (ПОРА!ДУЕМСЯ)
 надуваемся
 ПАРАД УЕ
 приветствуем стоя
 роя
 могилу
           ликуем – УЕМСЯ
 АДУ ли РАДУясь?
 УДАли УДА?

глагольная форма ПОРАДУЕМСЯ оказывается связанной с темой времени (пора) и «надувания», последняя проявляет себя во второй строке, где «надуваемся» можно прочитывать и как форму страдательного залога – «нас надувают». Постепенно звуковые импровизации подводят нас к вычленению в словах сокращения «УЕ» (условная единица), которое характеризует счет денег исключительно в нашей стране и в наше время. По ходу текста звуко сочетание УЕ становится все более самостоятельным, оно слышится в каждой глагольной форме (*приветствуем, ликуем*) и создает оксюморонность текста:

роя
 могилу
           ликуем

И наконец, на его основе образуется окказионализм УЕМСЯ (путем контаминации и омонимии с *уемся* – ‘нажреть’), который вычленяется из императива ПОРАДУЕМСЯ отбрасыванием частей, связанных с положительными эмоциями (радость, парад – ср. по контрасту церк. ВОЗРАДУЕМСЯ). И в конце текста, как в игре в слова, в «радости» обнаруживается прямо обратный ей по смыслу корень «АД» (АДУ ли РАДУясь?), который и характеризует нашу противоречивую жизнь. Так, возникает эффект «перемещающейся формы», что заставляет воспринимать текст как рождающий на наших глазах новые смысловые и формальные связи между словами и этим «перекраивающий» реальность, за ним стоящую.

С учетом всех выше описанных явлений мне кажется возможным предложить пересмотреть само лингвистическое определение «слова», а также содержание языковых процессов, вкладываемых в понятия «словоизменения» и «словообразования», поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него. В то же время границы слова в рамках строки расширяются и в сторону образования словосочетаний и предикативных образований, и нечеткой оказывается сама граница между словом и предложением.

В связи с этим интересно, что почти все тексты Г. Айги пишутся с маленькой буквы и среди них появляются особые образования с заглавными, прежде всего неологизмы-сращения, подобные цветаевским¹: ср.

и меньшим дрогну я – чтоб завершиться большим:
 пора самоотменою оставить
 то что казалось (или было) лучшим –
 (да будет это – проблеском последним):
Что-Светло-Даже-То-Что-Мне-Уже-Не-Веровать! –
 (уйдя – давно уже – в снега)

(«Все дальше в снега»)

чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-пусто-и-поздно!

(«Поля-двойники»)

Данные образования стирают границу между предложением, словосочетанием и словом, и поэтическая «самомысль» в стиховом ряду приобретает «слитный групповой смысл» (Ю.Н. Тынянов). Точнее такие формообразования выступают как «словоподобия» того, чему нет имени, и совмещая в себе процесс номинации и предикации, демонстрируют сам процесс называния в динамике, в становлении. Недаром в таких конструкциях нередко ключевыми элементами оказываются неопределенные, вопросительные, относительные и указательные местоимения. У Айги даже находим окказионализмы, образованные от местоимений, которые могут быть разложены на еще более мелкие составляющие. Ср. в книге «Продолжение отъезда»:

¹ Ср. у М. Цветаевой: *...Лежит цвет-наш-трезвенник, / Как пьяный какой... / Крылышек промежду / Грудку-взял-ей-стан... („Царь-Девница”); Уж ты кровь моя-нарушенная-робь... / К деде - слуга: “Крест-тебе-ключ!”... / Голова-моя-пропажа... / Голова-моя-завалы.. („Молодец”).*

а бездна никакая – а удары
из ни-ка-кой-то-сти! и с чем – разрыв?–
когда во всем – безместно – но во всем
лишь безымянность и отсутствие

или

опять я – зная всю никчемность
упоминаю Силу – словом:
– всю ту же нечтость Глыбы-Анонима
верней–аморфности-да-анонима-тьму! –

Можно заметить, что во многих текстах Айги с окказиональными образованиями от неопределенных и отрицательных местоимений (типа *чтотость*, *никакойтость*, *нечтость*) речь идет о поисках слова, которое сродни «безымянности», «аморфности» и «анонимности» (последнее слово можно перевести буквально). При этом данные местоименные формы приобретают суффикс абстрактных существительных *-ость*, таким образом, сема «абстрактности» присоединяется к местоименным корням, обозначающим нечто еще до конца неоформленное, неустановившиеся, только на наших глазах проясняющееся. Сам Айги в более раннем стихотворении «И: Едино-Овраг» назвал эти свои неологические изобретения как

и бесточечно-и-раздробляюще-нечтвое
словоподобие

Особо тут интересна форма *нечтвое*, которая осмысляется как полное прилагательное.

По сути, подобные голофрастические сращения можно признать некоторым аналогом инкорпорирующих комплексов: компоненты предикативных образований сливаются, поглощая распространители, при этом обычно сохраняются синтаксические отношения между ними, в результате в тексте функционирует слово-предложение (см. [Николина 2004, 94]).

Иногда такие сращения в структуре текста могут вновь распасться на составные части, даже с метатезой и фонетическим эллипсисом. Так, у А. Наймана данное явление представлено в рамочной конструкции текста, уподобляемой самой жизни, которая, увы, конечна. Ср.:

Авто-всех-биография –
чистой воды роман.
<...>
партии наши сыграны,
мы расстаемся, жизнь.
На сто страниц приключения,
на две главы любви,
книга легкого чтения,
графия... авто... би.

Одновременно мы наблюдаем, что «слитный групповой смысл» слова и их части приобретают именно в строке – на сдвиге границ слова, ряда и в вертикальной структуре стиха.

Итак, мы постепенно замечаем, что в стихе все чаще возникают не только словообразовательные, но и грамматические, шире синтаксические неологизмы. Образование новых языковых форм определяется не только процессами словообразовательной мотивации, но и совмещением грамматических категорий. Мою мысль доказывает яркий пример из И. Бродского:

Но, видимо, воздух – только сырье для кружев,
распятых на пяльцах в парке, где пасся царь.
И статуи стынут, хотя на дворе – бесстужев,
казненный потом декабрист, и настал январь.

где в языковой форме *бесстужев* накладываются друг на друга категории “признаковости” и “предметности”, “одушевленности” и “неодушевленности”, она может восприниматься и как имя собственное, и как имя нарицательное, и как краткое прилагательное; одновременно происходит и наложение временных планов. На такой синкретизм играет свободная орфографическая запись, так как имена собственные в поэтическом тексте могут писаться с маленькой буквы. С подобной же транспозицией встречаемся и в другом стихотворении И. Бродского «Реки», в котором в форме *серова* сливаются неологическая форма краткого прилагательного (исходно притяжательного), называющего цвет, и женский вариант фамилии живописца:

Вода – беглец от места,
предместья, набережной, арки, кровя,
из-под моста – из-под венца невеста,
Фамилия у ней – серова.

Появление данных образований связано с упоминаемой ранее тенденцией к сокращению и наложению форм в современной поэзии наряду с параллельной компрессией их семантики.

Усечению подвергаются и формы прилагательных, которые возникают за счет аналогии внутри одной строки: Однако такие формы могут оказаться грамматически неоднозначными, как, например, у Д. Бобышева в стихотворении «Тыквенная комедия»:

Как водится: блондинка
беж и неж;
брюнетка писк и визг;
и рыженькая: вся – ресницы.
Страшны! Однако – бешеный успех
у кавалеров двух,
а стало быть, у всех.

Здесь, на основании структурного параллелизма со следующей эллипсированной строкой (*брюнетка писк и визг*) само краткое неизменяемое прилагательное *беж* начинает восприниматься и как усеченная форма от глагола *бежать*, поэтому и неологическая форма *неж*, образованная путем усечения от прилагательного *нежный* (по аналогии с *беж*), также динамизирует свое значение. В строке же *брюнетка писк и визг* благодаря эллипсису возможно двойное прочтение: либо сама брюнетка издает такие звуки (тогда мы имеем усечение глагольных форм до глагольно-междометных), либо она вызывает у окружающих такую реакцию. В любом случае данные усеченные формы прилагательных и глаголов демонстрируют стремление к аналитичности поэтической речи на основе недифференцированной предикации (глагольной или именной) при синтаксической эллиптичности.

Тенденция к сокращению языковых форм и их аналитичности воскрешает к жизни усеченные формы прилагательных в современной поэзии (см. [Кулева 2007]). Их функции разнообразны. Во-первых, усеченные прилагательные и причастия используются как средства стилизации, как, например, в «Энеаде» (2005) В. Сосноры: ср.

Скажут: у них перламутровы лица.

Во-вторых, подобное стремление к стилизации часто сопровождается введением в текст и других архаичных элементов и конструкций, которые играют на полистилистическом характере современного текста. К таким приемам «полистилизации» часто прибегает М. Степанова. Ср.:

Я, свернувшееся в кулак.
Тела спяща ночной ГУЛАГ.
(«Несколько положений»)

На тело на голо пальто нахлобуча,
Ключами бренча, в коридоре бегуча,
Животным я из норы
Гляжу из замочной дыры.
И вижу: седеющ, как шерсть ноября,
В проёме колеблется воздух един.
Тогда удаляюся, как господин,
Двумя голосами в себе говоря.
(из цикла «Страшные глаза»).

В последнем тексте используется краткая форма древнерусского причастия *бегуча* (она может выступать как деепричастие), затем, наоборот, нестяжная старославянская форма полного прилагательного *Животным*, которое здесь субстантивируется; форма *удаляюся* одинаково может быть воспринята и как просторечная, и как архаичная. Необычна и форма имени *постелю*, которая соотносима с формой *постеля* (ж.р.), используемой у Пушкина: *Бывало, он еще в постеле: К нему записочки несут* («Евгений Онегин»), она также представлена в Словаре В.И. Даля. Намеренно используется и повторение предлога

(На тело на голо пальто нахлобуча) при усеченном прилагательном, следующим за существительным. Таким образом, использование усеченных прилагательных и причастий встраивается в целую систему средств стилизации.

Возникает даже ощущение, что стилизация под «архаичность» становится общим местом современной поэзии, и на ее фоне становится гораздо легче «протаскивать» собственные окказионализмы, почти не отличимые от устаревших форм. Так, Игорь Бурихин в своей поэме «Малоутешительные стихи о языке и о его поэзии» с подзаголовком (слишком русское) вводит усеченную форму прилагательного (пииты росски) после длинной череды искусственно-омонимичной новообразованию с «увеличительным» суффиксом *-ищ(е)* по типу «Толстой – *человечище*» у Ленина¹:

О сумароче, ломоносе,
третиаковскище и вовсе
хераскове, прости, хвостове,
баркове, всякожды крылове.
Великий, стало быть, могучий,
неразгребаемую кучей,
а может, тучею, коль скоро –
в умах взметаемого сора,
где выковыривают блёстки
с которых пор пииты росски.

Как мы видим, здесь не обошлось и без цитаты из Тургенева о «великом и могучем» русском языке.

В-третьих, усеченные прилагательные и причастия создают и особую ритмико-слоговую структуру текста, которая часто дополняется особой звуковой организацией и уникальными рифмами. Ср.:

Бабочки белы летают попарно
(М. Степанова «Балюстрада в Быково»)

щеки цветуши
тело шагающе
и летяще
(Н. Азарова)

Стремление к звуковому подобию позволяет даже недопустимое в обычной речи встраивание в однородном ряду полных и кратких (или усеченных) форм прилагательных:

¹ Так, в очерке «В.И. Ленин» Горький приводит отзыв Ленина о Л. Н. Толстом: «Какая глыба, а? Какой матерый *человечище*! Вот это, батенька, художник... И – знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было» [Горький 1931, 216].

Сходят формы, разные и розовы,
С теплого токарного станка,
Предназначены для свадьбы одноразовой,
Как в кафе пластмассовый стакан.
(М. Степанова. «Книжная серия «Улица красных фонарей»»)

Все это в пределе приводит к тому, что подобные архаизованные (или усеченные) формы могут становиться неопределенными по своей грамматической принадлежности. Так, в тексте М. Степановой

И смоковница рождает
Человечье и оруще.
(«Синяк»)

подчеркнутые формы могут восприниматься и как субстантивированные прилагательные, и с определенной аномалией как наречия. Данная переходность становится возможной, потому что в тексте уже с самого начала задается «оживление» частеречной транспозиции в имени собственном Айболит (созданном К. Чуковским) – т.е. восстанавливается его отглагольное происхождение:

Добрый доктор Айболеет
Опыт эволюционный
Ставит в операционной.
Режет, шьет, перемножает,
Совершенствует оружие –
И смоковница рождает
Человечье и оруще.
(«Синяк»)

Нередко в современной поэзии обнаруживаются краткие формы относительных прилагательных, которые явно имеют окказиональный характер, во многом связанный с поиском новых рифменных соответствий. Например, у Г. Цвеля:

А снег в апреле весь в ларец –
Увы, не настоящ
И пусть наш дом похож на хрящ
И пусть не видно синих роц
Подайте мне угрюмый плащ
и хлопьев-сутолок-сугроб – так – в ларчик

Заметим, что в данном «апрельском» стихотворении Цвеля возникает и необычное голофрастическое образование *хлопьев-сутолок-сугроб*, грамматические связи между элементами которого ослаблены.

Окказиональные краткие формы относительных прилагательных могут выстраиваться в целые ряды, как например, в стихотворении С. Круглова «Михаилу Гаспарову»:

Жёлтый, книжный, облетает –
 Пястью лет – с осины лист.
 В ветре свиста не хватает:
 Умер честный атеист.

Внепартиен, необузен,
Густоперчен, как центон,
 Тих, классичен, русск, внеруссен,
 По-еврейски умер он.

В поэзии же М. Степановой можно встретить окказиональные краткие прилагательные, образованные от названий дней недели, среди которых особенно необычна форма *средиинн*, соотносимая с полногласной полной формой *серединный* – в итоге получаем неполногласие и редупликацию согласного:

День понеделен, вторничен, средиинн,
 Чист, как паркет, пока не наследим.

Надо отметить, что в поэзии выпадение букв и звуков не связано с какой-либо определенной частью речи: оно может иконически подчеркивать малость наличия признака и в именах существительных:

Она мала как птенц.
 Бессильна как младенц.
 Кровоточива, как больное место.
Не знает говорить.
 Не хочет научить.
 И поминутно плачет, как невеста.
 (М. Степанова «Книжная серия «Улица красных фонарей»»)

Однако важно, что такие выпадения и сокращения часто сочетаются в локальном контексте с другими нарочито неправильными формами (типа *Не знает говорить*), что говорит об особой функции данного приема.

Л.В. Зубова [2000, 89-91] отмечает, что в современной поэзии может стираться разница между существительным и прилагательным (определяемым и определяющим) – отчасти это кальки с аналитических языков, отчасти поэтизация архаичных и фольклорных конструкций с краткими прилагательными. Создаются новообразования по типу *Русь-земля*, *жар птица*. Ср., например, у Г. Цвеля:

Змей-мост В венки усыпальный свей!
а также в «Энеаде» В. Сосноры:
И это дни идут назад, на когтях лапы
и рёв иллюзий эволюционных,
как рвут дожди мои скандал-руки.

Иногда подобные образования становятся неизменяемыми при склонении, как и в английском: *Пишут-пишут книги о секс-страсть в сердце* (В. Соснора). Надо сказать, что роль таких неизменяемых “субстантивированных” форм могут выполнять и переходные образования от наречия к существительному:

Повсюду сплошное размытое устно-письменно,
сверху рваное облако, и ты стоишь в воде
(И. Бродский. “Пейзаж с наводнением”).

Эта “переходность” как бы провоцируется “размытостью” самой воспроизводимой поэтической картины Амстердама.

Переходные формы между краткими прилагательными и наречиями могут даже субстантивироваться, сохраняя при этом свойство неизменяемости. Ср. у Г. Цвеля:

Иллюзия пасхального яйца (.)
Христос Воскресе! И весна гранёно
То в Розово, то в Сизо серебрится.
Люблю тебя, мой белый воронёнок.

Обращает на себя внимание и то, что эти необычные формы благодаря заглавным буквам приобретают статус имен собственных – т.е. цветовые признаки становятся сходными с названиями местности.

Нередко различия между разными частями речи нивелируются в перечислительных конструкциях, чему способствует звуковая инструментовка текста и его вертикальная организация. На стирании грамматических различий особенно часто играет А. Левин, порождая свои грамматические неологизмы-аналогизмы, основанные на внутренней рифме, которая нивелирует различия между частями речи: ср. *Такси меня куда-нибудь, / туда где весело и жуть, / туда, где светится и птица, / где жить легко и далеко, / где, простыня и продолжаясь, / лежит поляна, / а на ней Полина или же Елена, / а может Лиза и зараза, / а может Оля и лелея, / а я такой всего боец...*

Показательно, что в этом стихотворении у Левина на фоне аналогических форм появляется необычный частеречный переход в строке *Такси меня куда-нибудь*, который отчасти мотивирован калькой с английского, где форма *taxi* одновременно может выступать и как именная, и как глагольная, однако в русском реализуется за счет аналогии конечного элемента слова *такси* с формами повелительного наклонения глаголов (типа *спроси, попроси*); одновременно благодаря местоименной форме *меня* у формы *такси* на поверхность выступа-

ет глагольный признак переходности. Разбирая этот же пример, О. Аксенова¹ отмечает, «что в современном русском языке есть глагол *таксировать* – ‘произвести таксацию’ (в 1 зн. ‘установить таксу на что-л.’). *Такса* – ‘точно установленная расценка товаров или размер оплаты за тот или иной труд, услуги’ (МАС)». По мнению исследовательницы, существование глагола *таксировать* делает потенциально возможным образование глагола **таксить* от существительного *такси* – ‘автомобиль для перевозки пассажиров и грузов с оплатой проезда на основании показаний таксометра’ (МАС) по модели *пила – пилить, звонок – звонить и такси – *таксить*. Поэтому в строке *Такси меня куда-нибудь* вполне возможна и некоторая контаминация значений по звуковому сближению с появлением дополнительной семантики: ‘вези меня на такси по точно установленным расценкам’ [Аксенова, там же].

Частеречной транспозиции подвергаются даже местоимения, причем определяющие дейктическое пространство речевой ситуации, как в стихотворении Д. Бобышева «Счастливый человек»:

Весь небосвод – в цветных узорах, в цацках
для нас. Для только здесь и для сейчас.
 В секретах – на весь свет – венецианских.

Так, наречные местоимения *здесь* и *сейчас* в аналогическом ряду с личным склоняемым местоимением «мы» приобретают грамматические признаки существительного, поскольку управляются предлогом *для*.

Конверсии подвергаются и вводные слова, когда они приобретают атрибутивный признак, причем их переход в другую грамматическую сущность обозначается кавычками:

Тонешь медленно – спасение мгновенно.
 А пока рассказываешь, как тебе спаслось –
 Просыпаешься из яркого «наверное»
 В мутное, наверное «авось».
 (В. Кривулин)

Одновременно второе «наверное» (по природе наречие) превращается в этой череде транспозиций обратно в прилагательное по аналогии окончаний в стихотворном ряду: *мутное, наверное «авось»*.

Обращает на себя внимание, что конверсии подвергаются неизменяемые части речи, что связано с все возрастающей аналитичностью поэтической речи, т.е. отсутствием флективности или выраженности морфологической связи в речевой цепи. Полярным проявлением данного признака является обретение самостоятельного значения предлогами, когда они конденсируют в себе значение всей предложно-падежной формы и уподобляются наречию. Так, в стихо-

¹ См.: Аксенова О. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина). Электронная версия: <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova3.html>

творении О. Зондберг «Круги» предлог *из* в рифменной позиции становится подобным наречию *вниз*:

Звезды брошены не вдруг
И не из.
Видно, тонут – круг да круг
Сверху вниз.
Несколько иное явление находим и у В. Сосноры:
Лестница, а по – крысы бегают,
в шляпах, в ботфортах, с рапирами – ура!

Хотя здесь предлог тоже становится относительно самостоятельным, он все же оказывается, хотя и аналитически, связанным существительным (ср. *по лестнице*), предшествующим ему, хотя и в форме номинатива. У Д. Бобышева же предлог «из», наоборот, теряет часть своей самостоятельности, уподобляясь приставке: *Рассказать бы простым языком / о голом куске протоплазмы, / что под галстуком и пиджаком / бьется из-, невылазый...* (“По живому”).

Во всех данных частеречных преобразованиях аналитичность сочетается с тенденцией к сокращению, само же сокращение (формальное и семантическое) мотивируется аналогией и структурным параллелизмом. Учитывая все эти тенденции, М. Степанова позволяет существительным в своих текстах терять способность к склонению – таким образом, мы наблюдаем процесс, подобный образованию наречий в диахронии, но при этом образующиеся формы могут быть неоднозначны как по своему происхождению, так и по семантической интерпретации. Ср.:

Я отказываюсь от прав.
На рукав и другой рукав.
Я отказываюсь от лев.
На сомнение, мнение, гнев.
Я отказываюсь от речь.
Я отказываюсь от плеч.
От лица, пальтеца и бра
Ради должности се – ребра.
(М. Степанова. «Желание быть ребром»)

Прежде всего обращает на себя внимание форма *от лев*, которая восстанавливает в структуре текста оппозицию «право-лево» и одновременно внутреннюю форму слова *права* ‘узаконенная возможность что-нибудь делать, осуществлять что-либо’. Таким образом, *лев* оказывается формой родительного падежа множественного числа, которая образует окказиональный антоним к словоформе «прав», связанный с фразеологизмом *ходить* (делать что-либо) *налево* – т.е. ‘делать что-либо незаконно, в личных интересах’. Заметим, что в этом случае структурное подобие развивается в рифменной позиции проспективно (*отказываюсь от прав ... от лев*) и оно исходно мотивирована языковой оппозицией. Конечно, здесь могут возникать и побочные смыслы, свя-

занные с названием дикого животного (*лев*) и денежной единицы в Болгарии. По контрасту с этой структурной аналогией параллелизм

Я отказываюсь от *речь*.

Я отказываюсь от *плеч*.

никак изначально не мотивирован, тем более что по написанию очевидно, что перед нами разные грамматические формы: *речь* – единственное число, именительный / винительный падеж; *плеч* – множественное число, родительный падеж. Значит, слово *речь* ‘способность говорить’ здесь выступает как несклоняемое существительное, сама неизменяемость которого подтверждает отказ от правильного говорения. Но сразу возникает еще одна возможность семантизирования, связанная со смыслом ‘отречения’, тогда *от* *речь* можно интерпретировать как сокращенную форму от глагола *отречься*, которая собственно и означает отказ от прав на что-либо или кого-либо. Осталось разгадать, что же означает форма *бра*, кроме, конечно, названия светильника и транслитерированного разговорного английского (*bra*) – бюстгальтера. Если это усеченная форма, на что настраивает нас вся поэтическая система М. Степановой, то *бра* может быть прежде все связано с *браком* ‘законные отношения между мужчиной и женщиной’. Значит, общий смысл стихотворения заключается в том, что женщина отказывается от любых законных прав на мужчину, кроме изначальных прав Евы – быть мужским ребром.

Принимая во внимание все случаи именной и глагольной транспозиции, можно говорить о грамматической неопределенности форм в современной поэзии, которая возникает на фоне тенденции к сокращению форм до основ и усечению у них признаков грамматической дифференциации.

При этом грамматические сдвиги не связаны только с частеречной транспозицией, они могут порождать и новые типы предикативных конструкций. Так, в стихотворении Бродского “Итака” возникает синтаксический неологизм как потенциальная калька с английского:

Хочешь, скинь с себя пропотевший хлам;
но прислуга мертва опознать твой шрам.

Здесь необычное использование инфинитива¹ после краткого прилагательного также связано с синтаксическим эллипсисом (*мертва, чтобы опознать*), однако при этом семантический сдвиг и в полной конструкции очевиден и он связан с неопределенностью субъектно-объектных отношений.

Многие тексты последних лет вообще демонстрируют подвижность категории залога на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей.

Прежде всего эти изменения связаны с возвратными формами глагола. Залоговость можно рассматривать как функционально-семантическое поле, образуемое оппозициями грамматических форм, значения которых различают-

¹ Инфинитивными рядами в современной поэзии сейчас активно занимается А.К. Жолковский. См. [Жолковский 2000].

ся разной интерпретацией семантической структуры «субъект – отношение действия – объект». Залоговые значения определяются различиями в соотношении между семантическими актантами – субъектом и объектом, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти актанты, – с другой. Возвратность тесно связана с категорией залога, при этом возвратные глаголы различаются между собой по активности-пассивности субъекта или объекта. Так, в цитированном ранее тексте В. Кривулина

Тонешь медленно – спасение мгновенно.
А пока рассказываешь, как тебе спалось –
Просыпаешься из яркого «наверное»
В мутное, наверное «авось».

происходит контаминация паронимичных глагольных форм, производных от *спаться* и *спастись*: первая форма обычно используется в безличных конструкциях (*Как тебе спалось?*), называющих состояние, переживаемое субъектом помимо его воли, вторая в активных, поскольку обнаруживает собственно-возвратное значение (*Как ты спался?*). Как мы видим, в данном случае контаминация затрагивает не только словообразовательный уровень, но и грамматический. Поэтому и вся конструкция *как тебе спалось* как бы осциллирует между активным действием, которому подвергается сам субъект, и пассивным состоянием, в котором субъект находится, не подчиняясь своей воле. Именно поэтому речь далее идет об активном акте «просыпания» – т.е. спасения от сна, которое переводит «сновидение» из состояния вероятности в состояние надежды на верную удачу – *наверное «авось»*.

Игра с категорией залога свойственна и молодой поэтессе Д. Гатиной. Так, в ее стихотворении из цикла «Любовь к животным» находим следующие строки:

там в доме
Вы мной отоспались,
я Вами
выживаю всю зиму
крестиками по дням,
рубашку последнюю
лебединую,
громко-громко.

Хотя возвратный глагол *отоспаться* существует, он не имеет подобного управления (*отоспаться кем-то*), т.е. невозможно его употребление с творительным падежом имени, не имеющим темпорального значения. Все это заставляет думать, что в данном контексте этот глагол должен иметь другое значение, связанное с семантикой обоюдного действия и производный от глагольной конструкции *спать с кем-то*.

Еще один любопытный пример из Гатиной, связанный с глаголом *спаться*:

Пошли, оставь
 камней горсть
 в торт:
я не смоглась,
я не спалось,
 – на старт!

Как мы видим, здесь с точки зрения возвратности параллельными оказываются две формы

я не смоглась.
я не спалось.

Первая из них, видимо, имеет собственно-возвратное значение и конденсирует в своей семантике целую глагольную конструкцию – *я не смогла себя заставить*, аналогичную по семантике с *Я не справилась*. Вторая может быть проинтерпретирована как *моему «Я» не спалось* (вместо *мне не спалось*), тогда «Я» оказывается отделенным от самого плана высказывания, что связано с тем, что ранее было невозможно осуществить первое действие (*я не смоглась*).

С несколько другим явлением, затрагивающим уже сферу переходности-непереходности глагола, сталкиваемся в стихотворении «Две флейты» В. Сосноры:

И только моя голова горевала,
 Что нечего чтить, некому посвятиться.

Как мы видим, переходный глагол *посвятить* (что-либо кому-либо) теряет свою переходность, становясь возвратным глаголом – действие как бы замыкается на самом субъекте. Однако грамматическое значение глагола *посвятиться* оказывается шире собственно-возвратного, поскольку не снимается косвенный объект (кому-либо). Интересно, что при таких окказиональных возвратных формах часто появляются либо отрицательные частицы, либо отрицательные местоимения (*некому, неоткуда, нечем* и др.), что создает модальность «невозможности».

Любопытную форму находим и у С. Гандлевского в стихотворении, обращенном к М.Т.:

Твердая горошина разлуки
 В простынях незримая лежит.
 Милая, мне больше длиться нечем.

Потому с надеждой, потому
Всем лицом печальным человеческим
В матовой подушке утону.

Хотя в языке и существует глагол *длиться*, он не может быть использован по отношению к живому субъекту, поскольку исходно он соотносится с протяженностью во времени (*Спектакль длится три часа*). Более того, данный глагол не подразумевает некоторый инструмент действия или его часть. В контексте же Гандлевского *длиться* приобретает совсем другое значение – протяженности в пространстве, и приближается по своей семантике как к «побочно-возвратным» глаголам, называющим действие как соприкосновение с объектом, причем объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие (ср. *взяться за ручку двери, цепляться за руку, тереться о край* и т.п.), так и одновременно к возвратным глаголам несов. вида со значением изменения положения в пространстве (*ложиться, садиться*). Хотя, видимо, невозможно совсем исключить и темпоральное осмысление этого глагола, но уже в плане мыслимого: а именно, *длиться в памяти*.

Объяснение же подвижности понятий “субъекта” и “объекта” в поэтическом тексте находим в тексте А. Драгомощенко: *поэзия – не признание в любви “языку и возлюбленной”, но дознание: как в тебе возникают они, изменяя тебя в сообщении*. Так намечается переход от “телесности” и “субъектности” Я и текста к “бестелесности” – осознанию себя в “иной телесности”, например, объекта: ср., к примеру, само заглавие Драгомощенко “Наблюдение падающего листа, взятое в качестве последнего обоснования пейзажа (чтение)” и его текст (*Длиться мне столько, сколько длится / само описание, превращая дерево в опыт*). Парадоксально, что здесь возвратная форма *длиться* по отношению к Я употребляется именно в значении протяженности во времени, что составляет контраст к окказиональному использованию ее у Гандлевского.

Особый интерес представляет собой стихотворение «Комар» Н. Азаровой, в котором обнаруживается целая парадигма возвратных глагольных форм, однако одни из них нормативны, другие – окказиональны:

будто смеркается
звонко кусается
над ухом звенится
перстами пенится
горбатым скрипится
не спится
реминисценится

Поскольку субъект данного текста назван только в заглавии, то глагольные действия одинаково могут восприниматься как в личном, так и безличном плане. Только безличными оказываются предложения *будто смеркается* и *не спится*, активно-личным – *звонко кусается* (субъектом является комар). Остальные же строки могут интерпретироваться по-разному. Так, предложение *над ухом звенится* можно воспринимать как в безличном плане (как состояние

среды), так и в личном – *над ухом комар звенится* по аналогии с *кусается* – тогда *звенится* можно интерпретировать как окказиональный активно-безобъектный глагол в потенциально-качественном значении. Интерес вызывает и заключительная форма *реминисценится*, которая осциллирует между переводной о отношении к «вспоминается» и контаминированной из *реминисценция+снится*. Обе эти формы передают пассивно-возвратное восприятие, при котором активный объект (видимо, звенящий комар) оказывает действие на подразумеваемый пассивный субъект (*мне реминисценится*). При этом в тексте содержится и реминисценция к стихотворению Г. Державина «Похвала комару» (1807), заканчивающемуся строками: *Мои песни вечно будут / Эхом звучным Комара*.

Отраженность восприятия может передаваться и при помощи конверсивных конструкций, в которых обратимость актантов не меняет глагольную форму. Ср.:

хотя похоже –
я осенила мысль
(Н. Азарова)

В этом случае переворачивание конструкции *Меня осенила мысль* из пассивно-субъектной в активно-субъектную тоже связано с подвижностью залоговых отношений, однако «возвратность» здесь не получает своего формального выражения (ср. возможную форму *Я осенилась мыслью*), зато появляется элемент каузации действия, исходно не присущий данным конструкциям из-за семантики спонтанности (ср. *Меня осенило*), присущей ментальной сфере¹.

С явлениями подобного грамматического отражения встречаемся еще в ранней поэзии Г. Айги. Ср.:

(хотя всегда мы умираем и это <сияние> нами и живет:
блестим расплескиваясь тихостью
себе не разрешая знать) –
("Вдруг – мелькание праздника")

В данном случае семантический сдвиг происходит из-за того, что глагол неконтролируемого ментального состояния *знать* обычно не соединяется с каузативами типа *разрешать* (нормальный каузатив *позволить*); в то же время используется и семантическая многозначность творительного падежа имени и глагольных форм с -ся.

Такая неопределенность субъектно-объектных отношений и грамматической оформленности языковых единиц связана со «сплошной предикативно-

¹ Л.В. Зубова относит грамматическую вариативность в сфере залога и переходности к разряду грамматических вольностей современной поэзии. Она считает, что залог и переходность «располагают к лингвопоэтическому эксперименту, так как в сфере их действия грамматика и логика часто противоречат друг другу» [Зубова 2006б].

стью» (И.И. Ковтунова) современного поэтического текста, что подтверждает и более раннее стихотворение Г. Айги «Снег в саду»:

чиста проста
глубоко и почти без места
и тих и незаметен
светлы и широки

сплю весь
и – сейся

мерцать замешиваться взорами
и сеется
и суть

В данном тексте фактически не указываются субъекты, которым приписываются предикативные признаки. Однако по окончаниям кратких прилагательных становится ясно, что эти субъекты имеет разную родовую оформленность: сначала по женскому роду (*чиста проста*), затем по среднему (*глубоко*), что также позволяет считать эту форму наречием; далее повторяющийся союз «и» вводит прилагательные мужского рода (*и тих и незаметен*), и, наконец, строфа завершается именными предикатами множественного числа без различия рода: *светлы и широки*.

В следующей строфе раскрываются основания для такой абсолютной «признаковости»: а именно, лирический субъект находится в состоянии «сна» (*сплю весь*), причем отсутствие местоимения «Я» как раз подтверждает «внутренность» ощущения субъекта. Как утверждают современные ученые-психотерапевты, например, Эрнст Росси, сновидения – это композиция из сил и образов, выражающих автономный процесс, не контролируемый человеком, в котором человек принимает участие и взаимодействует с этими силами и образами. В стихотворении Айги мы имеем дело в основном с визуальными и слуховыми образами, источник которых не определен, но положителен в плане восприятия. Таким образом, эти признаки вырастают как бы из пространства белого листа, ассоциирующегося со снегом, поданным в заглавии, а само заглавие больше похоже на название картины, поскольку ни снег, ни сад в основном тексте не упоминаются. Видимо, повелительная формула «*и сейся*» со значением возвратности собственно и обращена к снегу, хотя по отношению к снегу и дождю форма 2 лица этого глагола обычно не употребляется. Обычная же для выражения действия осадков форма 3 лица ед. числа, правда, с тем же анафорическим «и» появляется в последней строфе, но она как раз выстраивает парадигму с «и сутью»: ср.

и сеется
и суть

В этом смысле можно предположить, что *и – сейся* также имеет «идейную» составляющую, т.е. может быть обращено к мысли или какому-нибудь идеальному высшему началу. Тем более что между двумя формами глагола «сеяться» оказываются инфинитивы с визуальной семантикой: *мерцать* *замешиваться взорами* (во втором случае взаимно-возвратной грамматической основой).

Мы знаем, что инфинитив сам таит в себе семантику повелительного начала, к тому же форма «сейся» провоцирует в тексте и семантику «мерцательного, колебательного» движения, и семантику «замешивания», так как «просеивать» также можно муку, очень похожую на снег. Само же инфинитивное сочетание «замешиваться взорами» с семантико-семантической точки зрения аномально – обыденная комбинаторика предлагает «обмениваться взорами». При этом, благодаря приставке *за-*, возвратный глагол *замешиваться* включает в себя начинательное значение, которое и проецируется на «сеяние сути». Тут и проявляет себя второе слово заглавия – «сад», связанное в смысловом отношении с актами посадки и сеянья («Сад» – любимый образ Б. Пастернака, с которым Г. Айги много общался в последние годы его жизни).

При этом важно, что наиболее «узкую» часть стиха занимают формы, связанные в звуковом и буквенном отношении, так что само действие «просеивания» заложено в самой структуре стиха:

сплю весь
и – сейся

и сеется
и суть

Конечная же строка по своей фоносиллабической структуре вызывает в памяти имя «Исус», что соотносит весь текст с «Притчей о сеятеле» и «Притчей о горчичном зерне» (МК. 4:13-20; 26-34). Интересно, что позже в 1985 году Айги пишет стихотворение несколько обратного содержания – «Сон-распад», где нет такой гармонии «сна», а есть только «сон-умирание», соотносенный с женским началом:

(из я-обломков – тишина) –
где будет – нечему проснуться

Здесь мы вновь встречаем сочетание возвратной формы с отрицательным местоимением *нечему проснуться*, однако ее необычность связана с тем, что состояние выхода из сна приписывается неодушевленным предметам (видимо, *Я-обломкам*), образовавшимся из Я-живого.

В целом, все данные изменения расширяют сферу «креативности» русской грамматики, которая «воплощается в ярких индивидуально-авторских трансформациях грамматических единиц, в их метафоризации, в грамматической рефлексии, в концептуализации грамматической семантики» [Ремчукова 2005, 308]. Вскрытые тенденции сигнализируют о том, что проблемы «стихийного» развития языка могут найти разрешение при более пристальном изуче-

нии активных процессов в поэтической речи, где они обретают обнаженность за счет особой организации стихотворного текста.

Литература

- Горький М. В. И. Ленин* // Сочинения. ГИХЛ, М., 1931. Т. XXII.
- Жолковский А.К.* Бродский и инфинитивное письмо (Материалы к теме) // НЛО. 2000. №45.
- Зубова Л.В.* «Памперс-кожа», «жар-птица» и современная поэзия // Культурно-речевая ситуация в современной России: Вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.
- Зубова Л.В.* Поэтика полуслова // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. М., 2006а.
- Зубова Л.В.* Грамматические вольности современной поэзии (залог, переходность) // *Landslide of the Norm. Language Culture, Language Debates and the Response of Literature. Bergen, 2006б.*
- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004.
- Кулева А.С.* Стилистическая роль усеченных прилагательных в русской поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции (ИРЯ РАН, Москва, 24-28 мая 2007 года). Москва: Словари.ру., 2007.
- Левин Ю.И.* О типологии непонимания текста // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека. М., 1974.
- Матвеенков Д.В.* Ненормативная орфография в прессе // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Часть 2. Смоленск, 2005.
- Николина Н.А.* Современное поэтическое словотворчество // Поэтика поиска, или поиск поэтики. Сборник материалов международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии». М., 2004.
- Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.
- Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005.
- Фатеева Н.А.* Открытая структура: О поэтическом языке и тексте рубежа XX-XXI веков. М., 2006.